

ста лѣтъ окруженный общимъ уваженіемъ, свободный отъ всякой страстности, отъ всякаго радикализма, не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться опаснымъ для общественнаго спокойствія, вреднымъ для молодыхъ умовъ. Во имя послѣдовательности оставалось бы тогда запретить упоминаніе о немъ на лекціяхъ и въ учебникахъ политической экономіи, или вовсе прекратить чтеніе этихъ лекцій, вовсе изъять изъ обращенія эти учебники, потому что нельзя вообразить себѣ ни тѣхъ, ни другихъ безъ имени Адама Смита. На одну доску съ великимъ шотландскимъ писателемъ поставлены такіе ученые, какъ Спенсеръ, Лэббокъ, Гексли, Лайель, Кетле, Агассисъ, Лекки, Льюисъ, такіе благоразумные, умѣренные социологи, какъ Дж. Ст. Милль. Изъятими изъ обращенія оказываются, такимъ образомъ, не только „Первые принципы“ Спенсера, но и его „Основанія психологіи“, не только „Исторія философіи“ Льюиса, но и его „Физиологія обыденной жизни“. Спрашивается, много ли выиграетъ учащаяся или только-что окончившая ученіе молодежь (мы предполагаемъ, что именно она имѣлась преимущественно въ виду при изданіи правилъ 5 января), вслѣдствіе недоступности или неудободоступности для нея спокойныхъ, безпристрастныхъ трудовъ тѣхъ ученыхъ, которые перечислены нами выше? Чтеніе и изученіе подобныхъ книгъ—лучшая гарантія противъ легкомысленныхъ увлеченій; оно развиваетъ привычку къ критическому анализу, мѣшаетъ вѣрять въ первую схваченную на лету мысль, апеллирующую не столько къ разуму, сколько къ чувству. Другихъ послѣдствій отъ знакомства съ Ад. Смитомъ или Кетле, съ Лайелемъ или Спенсеромъ можно ожидать развѣ тогда, когда читатель приступаетъ къ нему съ предвзятымъ намѣреніемъ найти тотъ тонкій тайный ядъ, изъ-за котораго принята запретительная мѣра. Не говоримъ уже о томъ, что нѣкоторые изъ опасныхъ писателей,—напр. Агассисъ—не раздѣляютъ во многомъ такъ называемыхъ опасныхъ взглядовъ и принадлежатъ скорѣе къ консервативному лагерю, насколько можетъ быть рѣчь о консерватизмѣ въ наукѣ. Между русскими учеными, навлекшими на себя неблагоклонное вниманіе администраціи, мы встрѣчаемъ имена покойнаго Щапова, гг. Стѣченова, Жуковского, де-Роберти. Запрещеніе распространяется, такимъ образомъ, на сочиненія въ родѣ „Соціологіи“, г. де-Роберти, въ которой никакое увеличительное стекло не найдетъ признаковъ неблагонамѣренности.

Другая категорія писателей, постигнутыхъ запрещеніемъ, относится къ сферѣ изящной литературы. Подобно тому, какъ наряду съ именемъ Гексли стоитъ въ спискѣ имя Дебэ (автора разсчитанной на нездоровое любопытство „Физиологіи брака“), мы встрѣчаемъ здѣсь, рядомъ съ именемъ Зола имя г. Златовратскаго. Разница за-